

Глава 10

Торговец пирожками охнул и принялся водить деревянными щипцами над рядами лотков, перечисляя:

— С овощами у нас есть с капустой да с соленьями. Мясные — со свиной и луком, просто с капустой и мясом, а есть ещё с тофу и мясным фаршем. Ну, малец, какие тебе положить?

Вэй Юй совсем растерялся. В его крохотной головке до сих пор царила одна лишь картошка, и он в жизни не слышал о таком разнообразии начинок.

Малыш беспомощно обернулся к брату. Вэй Чэн, заметив, что толпа у прилавка поредела, быстро подошёл ближе.

Горшочек вцепился в его рукав и прошептал:

— Братик...

— Не знаешь, что выбрать?

Юноша увидел, как брат усердно закивал.

— Ничего страшного, — успокоил его Вэй Чэн.

Он вдохнул аппетитный аромат, поднимающийся над лотками, и обратился к торговцу:

— Положите каждого вида по два. Будьте добры, заверните нам с собой.

Раз Горшочек сказал «десять», значит, будет десять.

Торговец приподнял крышки, и над прилавком за клубился густой белый пар. Он работал споро: в считанные мгновения пирожки оказались в промасленной бумаге.

— Готово! Два овощных — четыре монеты, шесть мясных — восемнадцать. Итого с тебя двадцать два медяка.

Пока Вэй Чэн наклонился, чтобы достать медяки из короба, Горшочек протянул торговцу зажатые в кулачке монеты, которые уже успели нагреться от его ладошки.

— На! — звонко произнёс он.

Торговец с улыбкой принял деньги:

— Малыш, тут всего пять монет. Этого мало.

— Мало?!

Горшочек замер, потрясённый. Его голосок мелко задрожал:

— Но... как же... что же теперь... делать?

— Как что? Раз не хватает, придётся тебе остаться здесь и помогать мне лепить пирожки! Пока все не перелепишь — домой не пойдёшь.

Ребёнок был таким забавным, что торговец не удержался и решил над ним подшутить.

— И... долго... лепить? — Горшочек почувствовал, как весь его мир рухнул. Улыбка мгновенно исчезла с его личика.

Торговец усмехнулся:

— Да уж до самой темноты. А если к ночи не успеешь, то и завтра останешься, и послезавтра...

Глаза мальчика мгновенно наполнились слезами. Он закусил губу и с нескрываемым горем посмотрел на Вэй Чэна:

— Братик... Горшочек сегодня... не придёт домой ужинать...

Вэй Чэн как раз отсчитывал двадцать две монеты, прикрывая руки хворостом, чтобы не привлекать внимания. Услышав их разговор, он понял, что торговец не со зла, но внутри у него всё равно вспыхнуло недовольство. Он слишком дорожил братом, а тот был слишком мал и пуглив для таких шуток со стороны незнакомцев.

— Дядюшка шутит, — мягко сказал он, погладив Горшочка по голове и незаметно подмигнув ему. — Денег у нас хватает, мы же только что продали дрова.

Он ласково коснулся макушки малыша:

— К тому же, даже если бы не хватило, я бы никогда не оставил тебя здесь одного.

Горшочек шмыгнул носом, и две крупные слезинки задрожали на его ресницах.

— Правда?

— Конечно, правда. — Вэй Чэн передал деньги торговцу и сухо добавил: — Мой брат очень впечатлительный, не стоит так шутить.

— Ох, и впрямь... вечно я не вовремя со своими шутками, — замялся тот.

Ему стало неловко. Он протянул Вэй Чэну сверток с едой и вернул те пять монет, что дал Горшочек. Затем он выудил из уголка дымящегося лотка пирожок поменьше:

— Держи, малец. Это тебе в дорогу, в подарок.

— Не хочу.

Горшочек спрятался за ногу брата и уставился в землю, не желая даже смотреть на обидчика.

Торговец только хмыкнул:

— Надо же, какой характерный попался.

Вэй Чэн видел, что тот хочет загладить вину, но не стал неволить малыша.

— Не стоит, дядюшка. Вам и так нелегко в такой холод торговать. К тому же ваши пирожки такие крупные, нам на всю семью хватит.

— Ну, как знаешь, — пробормотал торговец и, спрятав руки в рукава, кивнул на короб: — Что, дрова ещё не все распродал?

Вэй Чэн подтвердил это кивком. Мужчина указал на одну из улочек:

— Ступай на ту улицу, что за управой. Там живут люди справные, богатые. У них прислуга часто выходит за дровами да за яйцами. Увидят, что вы ещё дети, глядишь, и накинут пару лишних монет.

— Спасибо за совет, дядюшка, — поблагодарил Вэй Чэн.

Конечно, эти две вязанки были лишь прикрытием для глаз, и продавать их сегодня он не собирался. Но на будущее, если вдруг не повезёт с лягушками, стоит запомнить это место и попробовать здесь удачу.

Вэй Чэн повёл Горшочка прочь. Они отошли уже довольно далеко, но тот всё ещё выглядел хмурым, безразлично сжимая в руке недоеденный боярышник в сахаре.

Оглядевшись по сторонам, старший брат нашёл укромный уголок у стены и усадил Горшочка.

— Проголодался?

В бумаге лежало десять пышных белоснежных пирожков, и по виду было не разобрать, где мясные, а где овощные. Вэй Чэн вытащил один и вложил в руку малыша:

— На, попробуй. Как думаешь, с чем попался?

Горшочек взял подношение, но есть не стал. Он опустил голову:

— Братик... Горшочек... натворил бед?

— С чего ты взял? — удивился Вэй Чэн. — Вовсе нет.

Тот прошептал:

— У Горшочка было... пять медяков. А набрал... так много пирожков. Горшочек ошибся.

Вэй Чэн призадумался и, кажется, понял, что гложет мальчика. Горшочек считал, что если у него пять монет, то и покупать можно только на пять. Он испугался, что из-за своей ошибки его разлучат с братом. Но он ведь ещё совсем не знал счёта и не представлял, сколько стоят вещи.

— Те пять монет я дал тебе просто так, чтобы ты приберёг их для игр, раз мы сегодня так удачно продали лягушек. А пирожки я сам велел тебе покупать. Те деньги вовсе не предназначались для оплаты, — Вэй Чэн ласково погладил его по голове. — Ты ни в чём не виноват. Мысль о том, что нужно соизмерять свои силы и дела, правильная, я даже горжусь тобой.

Горшочек поднял на него растерянный взгляд.

— Тот дядюшка давал тебе лишний пирожок, а ты не взял. Это тоже верно. Мы хоть и бедные, но чужого нам не надо, — Вэй Чэн улыбнулся. — Отец мой, Вэй Даньен, всегда учил: «Своего не отдавай, но и чужого не бери». Только теперь я думаю, что чужого нам не надо, но и своего мы в обиду не дадим. А с соседями — там уж как заведено, услуга за услугу.

Вэй Даньен всю жизнь прожил, стараясь не обременять других, зато другие оббирали его как липку.

Горшочек был ещё слишком мал, чтобы рассуждать о таких вещах, но услышав похвалу, он заметно приободрился, и на его личике снова заиграла улыбка.

— Ешь скорее, а то остынут, — подбодрил его Вэй Чэн.

Он и сам вытянул пирожок из свертка и откусил кусок. Рот мгновенно наполнился непередаваемым вкусом. Убедившись, что младшему достался такой же со свиной и луком, он не стал предлагать свой.

Малышу теперь было не до разговоров. пышное белое тесто чуть пропиталось соком, оно было

тонким, мягким и удивительно упругим. Насыщенный аромат лука смешивался с нежным вкусом свинины, и при каждом укусе на языке разливался горячий, ароматный бульон.

Горшочек впервые пробовал мясо. С каждым кусочком его глаза округлялись всё больше, и вскоре сладости были окончательно забыты. В уголках его глаз ещё дрожали слёзы недавней обиды, но на губах уже цвела восторженная улыбка:

— Братик... пирожок... такой вкусный!

Детское сердце — точно весеннее небо: то тучи, то солнце, и обиды забываются мгновенно. Особенно когда у тебя такое милое круглое личико.

Вэй Чэн улыбнулся и пододвинул сверток поближе к брату:

— Давай, съешь ещё парочку.

Утром они перебились лишь половиной миски жидкой каши. Рис, что дала семья Ли, закончился ещё вчера. Эти два дня дети жили впроголодь, экономя каждое зёрнышко, и теперь наконец-то могли наесться досыта.

Вэй Чэн съел один мясной и два овощных, а Горшочек осилил два с мясом.

Впервые за много лет юноша почувствовал приятную тяжесть в желудке. Он взглянул на брата и ахнул: сквозь тесную куртку и рубашку проглядывал круглый, как арбуз, животик.

— Малыш, живот не болит?

Горшочек звучно икнул и, облизнув жирные губы, помотал головой:

— Совсем не болит!

Вэй Чэн облегчённо выдохнул.

Когда они снова проходили мимо лавок со сладостями и сахарными фигурками, Горшочек даже не обернулся. Он крепко сжал руку брата и потянул его вперёд.

— Ты чего? — удивился Вэй Чэн. — Я же обещал купить тебе подарки, как только продадим лягушек.

— Братик... — Горшочек посмотрел на него с необычайной серьёзностью. — Денежки ушли на боярышник и пирожки. Нельзя... быть таким жадиной.

— Ладно, тогда купим в следующий раз, когда снова заработаем.

Старший и сам понимал, что деньги нужно тратить с умом. Впереди были закупки ваты, риса и ткани, и пяти лянов могло на всё не хватить. Но Горшочек был таким трогательным в своём желании сэкономить, что юноше стало его жаль.

Оставив торговые ряды, Вэй Чэн привёл малыша в тканевую лавку. Местный приказчик, несмотря на их бедный вид, встретил их радушно и с улыбкой спросил, желают ли они купить готовое платье или просто отрез ткани.

— Нам бы целый рулон грубого полотна и ваты для зимней одежды, — ответил Вэй Чэн.

— И на скольких человек шить будем? — поинтересовался приказчик.

— На меня и на брата.

Приказчик окинул их взглядом и взялся за счёты.

— Самое простое полотно у нас стоит сто пятьдесят монет за рулон. Вата — тридцать пять за лян. Вы, я погляжу, издалека пришли, одежда вон в зацепках. Зима нынче лютая будет, снега горы намело, так что шить надо на совесть, чтоб тепло держало. На две куртки да на пару обуви уйдёт не меньше четырёх фунтов ваты. В фунте шестнадцать лянов, стало быть, за всё про всё выйдет два ляна двести сорок монет.

Он оглянулся, проверяя, нет ли лишних ушей, и шепнул:

— Только не вздумайте заказывать пошив здесь, при лавке. Сдерут втридорога, на эти деньги ещё две пары сапог справить можно.

Вата была товаром ценным, особенно в разгар зимы, так что цена показалась Вэй Чэну справедливой.

— Хорошо, берём.

И добавил:

— А какая ткань лучше подойдёт малышу для нательного белья? Чтобы к телу была мягкая?

Приказчик и не чаял, что дети действительно что-то купят. Он мгновенно преобразился и принялся нахваливать отрезы, пока они не остановились на мягком хлопке, хоть тот и стоил дороже.

В итоге они взяли рулон чёрного полотна за сто пятьдесят монет — его хватит и на верхнюю одежду, и на подметки для обуви останется. Четыре фунта ваты обошлись в два ляна двести сорок монет, а на мягкий хлопок для Горшочка ушло ещё семьдесят. О себе Вэй Чэн решил не беспокоиться — пока доносит старое.

Затем они заглянули в лавку мелочей за зубным порошком и щётками — на двоих вышло почти сто монет. Вэй Чэн не забыл и про обещание купить Горшочку мазь для лица. Хозяйка давала малышу пробовать разные притирания, и тот на каждое восторженно кивал, не в силах выбрать что-то одно. В конце концов Вэй Чэн сам выбрал баночку персикового бальзама — стоил он недёшево, целых пятьдесят монет, но пах чудесно.

Покупок набралось столько, что рис и муку решили купить в другой раз. К тому же поднялся резкий, колючий ветер. Прождав на окраине города, они наконец встретили телегу, идущую в сторону деревни Цзяншуй. Вэй Чэн накинул вознице лишних два медяка, и тот сделал крюк, чтобы высадить их у самого входа в деревню.

Двое детей, смеясь и обсуждая обновки, поднимались к своей лесной лачуге, не подозревая, что у их порога, снедаемые тревогой, их уже поджидают Цинь-ши и богач Сун.

<http://bllate.org/book/15346/1372670>